

Как в рассказах А.П. Чехова, так и в повести В.С. Маканина «Отдушина», взаимоотношения героя в семье становятся способом показать его внутренний мир, царящие в душе противоречия, драматизм существования обыкновенного человека. В повести В.С. Маканина «Отдушина» при всем своеобразии решения проблемы «срединного» человека прослеживается ориентация на традиции А.П. Чехова в плане художественной реализации ряда мотивов (мотив имитации творчества, мотив семьи).

Литература

1. Балащенко, Н.С. Художественная концепция личности в творчестве В. Белова и В. Маканина 60 – 80-х гг.: Авт. дис. канд. филол. наук / Н.С. Балащенко - Армавир, 2000.
2. Бегалиева, Е.Г. Смысловое целое героя современной прозы (А. Ким, В. Маканин, Р. Киреев): Авт. дис. канд. филол. наук / Е.Г. Бегалиева. – Донецк, 1992.
3. Васильева, О.Н. Роман В.С. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» в диалоге с творчеством Ф.М. Достоевского (к проблеме интертекстуальности) / О.Н. Васильева // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17. - № 4. – С. 1826 – 1834.
4. Дмитриченко, Е.В. Проза позднего В. Маканина (в контексте антиутопических тенденций конца XX в.): Авт. дис. канд. филол. наук / Е.В. Дмитриченко. - СПб., 1999.
5. Иванцов, В.В. Пространственно-временная организация художественного мира В.С. Маканина: Дисс. ... канд. филол. наук / В.В. Иванцов. – СПб., 2007.
6. Климова, Т.Ю. Притча в системе художественного мышления В.С. Маканина: Авт. дис. канд. филол. наук / Т.Ю. Климова. – Иркутск, 1999.
7. Кравченко, Е.А. Художественный мир Маканина: концепции и интерпретации: Авт. дис. канд. филол. наук / Е.А. Кравченко. – М., 2006.
8. Краснощекова, Е. Два парадоксалиста: («Человек из подполья» и «человек андеграунда») / Е. Краснощекова // Новый журн. = Newgev. - Нью-Йорк. - 2001. - Кн. 222. - С. 175–186.
9. Лукьянчикова, Н.В., Ли Жун (LiRong). Мотив пустоты жизни в произведениях А.П. Чехова и В.С. Маканина / Н.В. Лукьянчикова, Ли Жун // Человек в информационном пространстве: сборник научных статей. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. С. 75 – 79.
10. Мотыгин, С.Ю. Поэтика В. Маканина: Авт. дис. канд. филол. наук / С.Ю. Мотыгин— Астрахань, 1997.
11. Маркова, Т.Н. Формотворческие тенденции в прозе конца XX века (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин): Авт. дис. док. филол. наук / Т.Н. Маркова– Екатеринбург, 2003.
12. Паниткова, Е.В. Традиции русской классики в творчестве В.С. Маканина 1980 – 1990-х гг.: Ф.М. Достоевский, М.А. Булгаков: Дисс. ... канд. филол. наук / Е.В. Паниткова.– Орел, 2004.
13. Рыбальченко, Т.Л. Л. Толстой в художественном сознании В. Маканина («Долог наш путь») / Т.Л. Рыбальченко // Проблемы межтекстовых связей. – Барнаул, 1997. - С. 154 – 161.

Источники

1. Маканин, В.С. Отставший. Повести и рассказы. – М.: Художественная литература, 1988. Все цитаты из повести «Отдушина» даются в статье по указанному изданию.
2. Чехов, А.П. Повести и рассказы. – М.: Советская Россия, 1983. Все цитаты из рассказов А.П. Чехова даются в статье по указанному изданию.

N.V. Lukyanchikova

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky
e-mail: lunavl@yandex.ru

The Story of V.S. Makanin "Otdushina": dialogue with A.P. Chekhov

Key words: motive, motive structure, traditions of Russian classics, comparative analysis.

The article is devoted to the analysis of the works of A.P. Chekhov and V.S. Makanin from the point of view of the artistic realization of the motive of the family and the motive of imitation of creativity in the novel by Makanin "Otdushina" and Chekhov's stories. The author made an attempt to consider the artistic aspects, allowing to draw conclusions about the creative dialogue of writers.

Д.К. Малиновская

Государственное учреждение образования «Гимназия № 2 г. Витебска»
e-mail: volhasiankova@gmail.com

УДК [821.111-21]'06

СИНТЕЗ ПРОТОЖАНРОВ В РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА

Ключевые слова: дискурс, протожанр, наррация, А.П. Чехова, притча.

В статье рассматриваются разные нарратологические стратегии в рассказах А.П. Чехова от анекдота до притчи. Установлено, что уникальность авторского повествования создается за счет использования особого синтетического протожанра, основанного на смешении анекдотичной и притчевой составляющей.

Анализ текста, находящийся на стыке лингвистики, философии и литературоведения, сегодня становится особенно актуальным. В современном литературоведении большое внимание уделяется неориторической направленности изучения текстов, предполагающей рассмотрение художественного

произведения как единого высказывания, или *дискурса*, – коммуникации между двумя сознаниями: креативным (производящим) и рецептивным (воспринимающим). Разновидностью дискурсного анализа является изучение художественного текста как *нарратива*, повествования о *событии*, иначе – событии, совместном проживании единственного в своём роде сакрального момента жизни. Наррация (акт повествования) – один из базовых способов оформления, хранения и передачи человеческого опыта, без передающего и воспринимающего сознания нет никакого культурного движения.

Целью исследования является выявление протожанровой природы рассказов А.П. Чехова.

Материалом исследования послужили рассказы А.П. Чехова, включенные в Программу по русской литературе в список для обязательного и дополнительного чтения. Предметом исследования является жанрово-стилевое своеобразие рассказов А.П. Чехова (в том числе в категориях структурного анализа) и протожанры, лежащие в их истоках. При написании работы использовался аналитический метод, метод анализа, обобщения и систематизации теоретических сведений, описательный и структурный методы.

За основу нами были взяты протожанры притчи и анекдота, как наиболее близкие и имеющие общие черты: существование преимущественно в устной форме, неразвернутый сюжет, сжатые характеристики и описания, неразработанные характеры, строгая и простая композиция, лаконизм. Отличия же состоят в более тонких и специфических характеристиках – коммуникативных компетенциях рассказчика, героя, реципиента и статусе самого сообщения, а также в моделируемых картинах мира (императивной у притчи и окказиональной у анекдота). Кроме того, доказывая возможность наличия нескольких нарративных стратегий в одном тексте, мы обратились также к протожанру сказания, имеющему общую с притчей и анекдотом «изустную» специфику.

В ранних рассказах А.П.Чехова, с точки зрения нарратологии, присутствуют разные повествовательные стратегии в одном тексте. В исследованных нами рассказах А.П.Чехова в равной степени проявляются протожанры анекдота и притчи, делая наррацию совершенно уникальной. Ранние рассказы А.П.Чехова – это юмористические зарисовки современной писателю действительности. Беглыми штрихами, метко и едко очерчиваются характеры, поступки, отношения. Например, рассказ «Толстый и тонкий» целиком построен на коротком разговоре друзей детства. Нелепое поведение «тонкого» ломает всю логику ситуации, вовлекает в свою воронку членов его семьи. История рассказана А.П. Чеховым, несомненно, как анекдот. Однако хотелось бы отметить следующую особенность сюжета: две судьбы встречаются на своеобразном перекрёстке, и лишь выбор главного героя определяет следующий виток развития его жизни. Этот притчевый мотив вносит в рассказ многоплановость, смешная бытовая зарисовка прорастает к истории о русской ментальности. Приём троичности (три героя, три обращения к Нафанаилу), свойственный сказанию, создаёт, на мгновение, прецедентную картину мира, в которой всё непреложно, неизменно – и поэтому ужасно. Так мгновенная смена нарративных стратегий способствует нарастанию сатирического пафоса.

Рассказ «Без заглавия» поведен как притча об ответственности мастера за свой дар. Мотив отражения интересным образом звучит в следующих параллелизмах: нарратор и нарраторы данного дискурса состоят в иерархически неравных отношениях – и параллельно этому герои рассказа разделяются на учителей и учеников (можно сказать, что для настоятеля монастыря учителем стал город); присутствует убеждение как коммуникативный статус субъекта данной наррации – и дар главного героя тоже заключается в способности убеждать. Притчевый протожанр подразумевает истолкования иносказательности, распутывания смысловых клубков – или, в случае неверного выбора, запутывания в слове истинной природы зла. Интересно, что своему «слову о слове» А.П.Чехов не даёт названия («Без заглавия»), поскольку слово опасно и без искажений доступно только первичному субъекту – Творцу. И вот здесь в рассказе проступает нарративная природа сказания, с её ориентацией на некое первичное творческое метасобытие, цикличное повторение которого приводит к покою. Невольно возвращаясь к началу рассказа (с метастратегией «хорового единения») и оценивая его как зачин сказания об утраченном рае, мы невольно участвуем в круговороте потерь и обретений рая, циклически сменяющих друг друга в нашей личной истории.

В зрелых рассказах Чехова в равной степени проявляются протожанры анекдота, притчи и сказания, делая наррацию совершенно уникальной. В позднем творчестве А.П. Чехова (например, в рассказах «Человек в футляре», «Студент», «Огни», «Неприятность», «Счастье») следует говорить о синкретичном протожанре.

«Человек в футляре» рассказ из так называемой «маленькой трилогии», серии рассказов о страхе быть живым, идти вслед за своим предназначением. Форма – рассказ в рассказе: нарратив об учителе, погибшем от собственных предрассудков, помещён в нарратив о заночевавших после охоты разночинцах, коротающих время за обсуждениями человеческой природы. Идейный центр – история героя, окружающего себя всевозможными защитами, но оказывающегося совершенно беззащитным перед проявлением живых эмоций. Протожанровая природа этого внутреннего фрагмента неоднозначна.

Исследовав литературу по нарратологии и проанализировав некоторые рассказы А.П. Чехова как раннего, так и позднего периода («Толстый и тонкий», «Хамелеон», «Тоска», «Лошадиная фамилия», «Без заглавия», «Пари», «Сапожник и нечистая сила», «Рассказ старшего садовника», «Человек в футляре») на предмет существования нарративов различной природы, мы пришли к выводу о существовании особого художественного приёма, который заключается в намеренном смешении автором риторики разных протожанров в пределах одного художественного произведения. Мы взяли на себя смелость говорить о синкретичном протожанре. Нам удалось проследить его особенности в смешении анекдотической и притчевой составляющей, а также использовании риторики сказания. Существование синкретичного протожанра в основе рассказов А.П. Чехова, на наш взгляд, и объясняет феномен их воздействия на читателя, тот особый магнетизм, который отличает стиль классика.

Литература

1. Тюпа, В.И. Введение в сравнительную нарратологию / В.И.Тюпа. – М. : МГУ, 2016. – 145 с.
2. Чехов, А.П. Собрание сочинений: в 4 т. / А.П. Чехов. – М. : Мир кн., 2006.

D.K. Malinovskaya

SEE "Vitebsk Gymnasium № 2"
e-mail: volhasiankova@gmail.com

The initial genres synthesis in A. Chekhov's stories

Key words: discourse, initial genre, narration, A.P. Chekhov, parable.

Both parable and anecdote as narratological strategies in A. Chekhov's stories are considered in the article. It reveals the root of author style distinctiveness based on the mixing anecdotal and parable genres, providing as a basis for peculiar Chekhov's synthetic initial genre form.

В.Я. Малкина

Российский государственный гуманитарный университет
e-mail: poetika@gmail.com

УДК 82.0

ОБРАЗ МАРКА ШАГАЛА В РОССИЙСКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА

Ключевые слова: визуальное в литературе, лирический сюжет, лирический субъект, лирический образ, поэзия и живопись

В статье рассматривается репрезентация образа Марка Шагала в стихах российских поэтов XX века: Р. Рождественского, В. Егорова, А. Городницкого, А. Вознесенского и А. Орлова (Орлуши). В центре анализа – проблема того, как визуальное искусство (живопись) получает свое воплощение в лирической поэзии, и как в ней соотносится образ художника и его картины.

Проблема взаимодействия живописи и поэзии находится в центре внимания европейской культуры, начиная как минимум с XVIII в., с полемики Лессинга и Гердера. В последние годы интерес к этому вопросу только возрастает, причем как в самом искусстве, где возникает много синтетических форм, так и в гуманитарной науке. Очевидно, что поэзия и живопись могут влиять друг на друга и взаимодействовать самыми разными способами: стихотворения могут быть написаны под влиянием картин и наоборот, визуальная и вербальная составляющая могут выступать в единстве либо противопоставлении и т.п. В центре нашего интереса – проблема репрезентации визуального в лирике, и в данной статье мы сосредоточимся на том, как в российской поэзии XX века представлен образ художника Марка Шагала и его картин.

Нами были выбраны тексты, в которых Шагал не просто упоминается или подразумевается, а находится в центре лирического сюжета, как герой и предмет рефлексии лирического субъекта. Это 7 стихотворений: «Марк Шагал» Р. Рождественского, «Шагал» В. Егорова, «На одной из картин Шагала», «На могиле Шагала» и «Марк Шагал» А. Городницкого, «Васильки Шагала» А. Вознесенского и «Шагал по городу Шагала...» А. Орлова (Орлуши).

Стихотворение Р. Рождественского [5, 459–460] написано под впечатлением встречи с Марком Шагалом, и мы видим, что в центре – личность художника, а не его творчество. Лирическая ситуация – встреча. Время встречи – настоящее, что подчеркивается и грамматическим настоящим временем на протяжении всего стихотворения. Лирическим событием становится взгляд в другое время и пространство: прошлое в Витебске. Это акцентируется многократным повтором слов «не из Витебска» в разных вариациях: сначала это вопрос Шагала и ответ лирического субъекта, что повторено дважды:

Он сразу – с вопроса:

– А Вы не из Витебска?.. <...>